

«Утверждаю»

Проректор по научной работе и инновационному развитию
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Курский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
доктор медицинских наук, доцент
Павел Владимирович Ткаченко

10 декабря 2016 г.

**Отзыв ведущей организации —
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Курский государственный
медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской
Федерации на диссертацию Алексея Александрович Слепокурова
«Непостижимость смерти как этико-философская проблема»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата философских наук
по специальности 09.00.05 — этика**

Тема смерти — сквозная для всей истории философского и научного познания. Более того, эта тема старше и философии, и науки, поскольку неизбежна для религиозно-церковной, богословской рефлексии всех времён и народов. С каких-то пор можно говорить о танатологии — как более или менее условной сфере комплексного, меж- и наддисциплинарного рассмотрения темы смерти в природе и в культуре. И хотя в постсоветской философии нашей страны внимание к этой теме заметно возросло, публикаций и переводных сочинений выходит всё больше, оцениваемая диссертация вносит определённый вклад в её рассмотрение. Автор работы, Алексей Александрович Слепокуров достойно продолжает и заметно развивает, дополняет идеи своего научного руководителя, профессора Владимира Владимировича Варавы, который является одним из признанных лидеров философской танатологии.

Тема диссертации поставлена по-новому: все предшественники по её разработке, как могли, стремились решить проблему смерти. А наш диссертант объявляет её в принципе нерешаемой. Признание смерти в принципе непостижимой — спорный тезис, но он позволяет нетривиально продолжить обсуждение темы, на первый взгляд уже рассмотренной и обсуждённой вдоль и поперёк.

Первая наша похвала — эрудированности автора. В наше время значительная часть претендентов на кандидатскую степень механически перечисляет как всемирно известных, так и никому не ведомых авторов,

каким-то краем примыкающих к тематике их диссертаций. Историографический раздел работы А.А. Слепокурова концептуален, охватывает все основные работы на русском языке (включая переводные), учитывает и оценивает взгляды самых важных для понимания философии смерти авторов, от античности до наших дней. Важно, что среди этих авторов не только кастовые философы, но и писатели (беллетристы). На будущее диссертанту стоит обратиться и другим жанрам искусства, от живописи (начиная с Густава Климпта¹) и до кинематографа, где не просто поднималась тема смерти, но её рассмотрение как-то резонировало с её пониманием учёными и философами.

Диссертация выстроена логично. Первая глава посвящена «Концептуализации смерти в науке, богословии и религиозной философии». В ней очерчены важнейшие варианты и даже типы танатологии, как естественнонаучные, так и вненаучные — богословские, мистические. Во второй главе категориальный анализ темы углубляется за счёт понятия апофатики в разных её тематических ипостасях. Это понятие превращается автором диссертации в новый подход к теме смерти, тогда как ранее апофатику, особенно в православной духовной традиции, применяли как сугубо вспомогательную теологию по сравнению с катафатикой. Правомерно внимание, уделяемой здесь понятию тайны как термина гуманитарных наук. Нетривиально разведение этого понятия с категорией «неведение». Правда, допустимый для богослова постулат неизречённости божественной природы и запрет на её логическое обоснование не имеет никакой силы применительно к светской философии, и тем более науке, причастность к которым наш диссертант волей-неволей должен признать...

Наряду с достижениями, в диссертации заметны и некие упущения, неточные тезисы, огрехи стиля изложения. Выскажем сначала эти наши мелкие, в общем пренебрежимые замечания.

Доказывая своё право обратиться к вечной теме смерти, автор в первых строках своей работы утверждает, будто бы эта тема «была надолго табуирована в советский период» (с. 2 — здесь и далее ссылки на текст диссертации даны указанием страницы в скобках). А несколькими страницами ниже с похвалой оцениваются «глубокие идеи о жизни / смерти» А.Н. Чанышева, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева, Н.Н. Трубникова (С. 4) и ещё нескольких авторов, в чьих дипломах и аттестатах философия была поименована «марксистско-ленинской». Более того, многие из посчитанных диссертантом «современными» авторов, — А.В. Демичев, В.П. Фетисов, кое-кто ещё, — и жили, и творили, да и ушли из жизни вполне в рамках советского периода. Стоило отдать должное и главному «смертеведцу» в марксистско-ленинской философии Илье Диомидовичу Панцхаве (1906–1986). А из зарубежных оказался недооценённым в оцениваемой диссертации такой яркий представитель школы «Анналов», как Филипп Арьес, чей труд

¹ См., если угодно: *Кандель Э.* Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. Пер. с англ. М., 2016.

«Человек перед лицом смерти» гораздо историчнее любительского сочинения его соотечественника Янкилевича. С другой стороны, добросовестно перечисленные диссертантом наши танатологические диссертации 2000-х – 2010-х годов в массе своей не слишком оригинальны, скорее компилятивны. С третьей стороны, иные из формально современных авторов (например, недавно умершая С.Г. Семёнова) просто-напросто повторяли мистические заклинания старых богословов, невзирая на тот опыт и научного, и философского рассмотрения этой темы, который был накоплен за сто с лишним лет после В.С. Соловьёва, Н.Ф. Фёдорова, Н.А. Бердяева и иже с ними.

Отдельные библиографические отсылки в тексте диссертации и её авторефераты некорректны. «Лука» на стр. 7, конечно, на самом деле архиепископ Лука, и звали его Владислав Феликсович. Как-никак, он объявлен святым РПЦ!

Теперь перейдём к замечаниям принципиальным, то есть относящимся к самой методологии работы А.А. Слепокурова. Направление рассмотрения им проблемы смерти задано русской философской традицией, где критика тех или иных начал была довлеющей. Анализ этих начал всегда был очень абстрактный и никогда не отражал их сущности. В первой главе «*Концептуализация смерти в науке, богословии и религиозной философии*» делается попытка дихотомического различения подходов, представленных в этих формах знания. Однако такая трактовка темы представляется мало плодотворной, так как граница между названными феноменами (особенно теологией и религиозной философией) не проходит однозначно, а, следовательно, характерные черты концептуализации смерти в одном подходе могут быть отчасти свойственны и другим.

С этим связаны и неточности в определении задач диссертационного исследования. Так *целью исследования* объявляется «раскрыть этический смысл непостижимости смерти в контексте танатологического дискурса» (С. 4), однако указанные чуть ниже в тексте работы задачи не вполне соответствуют такой цели, хотя бы потому, что понятие дискурс предполагает не только постановку темы (что вполне возможно исходя из сравнения религии, науки и религиозной философии), но и особый способ постановки вопросов по этой теме, а главное, их разрешения, что при таком подходе вряд ли возможно. Сходного упрёка заслуживают и некоторые выводы исследования, например: «Философия раскрывает принципиальную непостижимость смерти, что отличает её подход от того, который представлен в богословии и науке» (С. 5). Возможно ли говорить о единстве философского подхода к смерти? Как раз многообразие подходов и составляет особенность философии. На наш взгляд, продуктивнее было бы диссертанту сосредоточиться на *различных* способах концептуализации смерти в философии.

Автор продолжает: «Смерть – это *не знание, а философская проблема*, и в качестве философской проблемы смерть не разрешима» (там же). Однако проблематичность знания есть общая особенность философии, которая не

характеризует собственно проблему непостижимости смерти. Та же изначальная установка приводит автора к выводу о том, что «законы природы, устанавливаемые наукой, могут оказаться фикцией; а также и то, что наука не достигает сущностного понимания жизни, поэтому её методы не применимы для решения духовных, нравственных и экзистенциальных проблем» (С. 8). Однако наука и не ставит перед собой такой цели. При определении религии автор утверждает, будто «смерть не является непостижимой в религиозной картине мира. Иными словами, через *рациональное объяснение* смерти происходит её *моральное оправдание*» (С. 9). Но, во-первых, рациональное объяснение не является моральным оправданием, по крайней мере, эта связь должна была быть прослежена более убедительно. Во-вторых, важнейшей частью христианского учения является вера в победу Христа над смертью, что не постижимо дискурсивно-рационально. Утверждать рациональный характер оправдания смерти в христианстве возможно только при рассмотрении взглядов христиански ориентированных *мыслителей*, а это не одно и то же с основным, так или иначе канонизированным отдельными церквями *богословием*.

Диссертантом констатируется, что «рациональная концептуализация смерти в различных танатологических дискурсах (от медико-биологического, психологического до гуманитарного) является не сущностным постижением смерти как таковой, (что предполагается семантикой слова «танатология»), но созданием различных культурных образов смерти. Это свидетельство того, что смерть непостижима в рамках научного мышления и здесь невозможно никакое достоверное знание смерти, основанное на принципах верификации» (С. 7). Здесь методологическая установка автора, направленная на дихотомическое различие различных форм постижения смерти, играет с ним злую шутку: науке доступно знание о смерти, причём точно верифицируемое, об этом и сам диссертант пишет в параграфе о научной танатологии. Необходимо было бы разъяснить, какие именно аспекты смерти недоступны научному дискурсу. Именно в такой ситуации неразличения разных форм познания мира возможен вывод о том, что проблемность смерти снимается «поскольку последняя оказывается включённой в систему *догматических* представлений, *которые в равной мере присущи и науке, и религии*» (С. 7, курсив наш). Такая неразборчивость в выборе терминологических оценок сводит на нет часть результатов проделанного в работе анализа. Аксиомы и гипотезы любой науки ни по количеству, ни по когнитивному качеству не сравнимы с всецелой догматичностью любой религии. В следующем выводе утверждается: «Философия раскрывает принципиальную непостижимость смерти» (С. 8). Любая ли философия это утверждает? Как насчёт марксизма, позитивизма, скептицизма?

Следующее принципиальное замечание — в отдельных местах исследования детальный анализ заменён простой констатацией, например: «Непостижимость смерти открывает человека как этического субъекта, и если он отказывается от этой непостижимости в пользу какого-то знания,

тогда он теряет свои нравственные свойства быть человеком» (С. 8). На наш взгляд, в исследовании по этике необходим детальный анализ, который бы отвечал на вопрос, какие именно нравственные свойства теряет такой человек: свободу воли, способность отличать добро от зла, способность следовать долгу и т.п.? Этим же недостатком отмечен и следующий вывод «Неведение смертного часа и неведение посмертного состояния способствуют формированию чистого этического мотива поступка, исходящего из принципов истинного человеколюбия и сострадания» (С. 8). Как логически или практически связаны незнание и человеколюбие? Возможно эта связь другого (нелогического) характера, тогда какого? В любом случае однозначно ли связаны незнание и человеколюбие, и не может ли незнание смертного часа вызвать в человеке иные чувства, нежели сострадание и человеколюбие? Цинизма и нигилизма?

Автор никак не пытается уточнить выводы из тезиса непостижимости смерти: если аскетизм и гуманизм несамодостаточны этически (см., например, с. 125), то какие выводы нравственного характера следуют из непостижимости смерти? Какого рода материальные или духовные практики связаны с таким подходом, как изменяется понимание добра и зла или любых других вечных вопросов этики в обозначенной плоскости? Как должен выглядеть этический дискурс «непостижимости смерти», какие вопросы о человеческой практике должны быть поставлены в таком дискурсе? Есть ли реальные примеры функционирования такого рода дискурса в практиках современного мира (биоэтика, экологизм), или такие теоретические построения не могут вовсе привести к созданию теории человеческого действия? Возможно, есть прецеденты подобных практик в прошлом?

В качестве полемики, хотелось бы отметить, что целостный опыт смерти непостижим не только для науки и религии, но и для философии. Констатация непостижимости смерти явно недостаточна для философского знания; философская проблема не просто невозможность знания, это затруднение, которое приводит к реальному расширению знания. Философия никоим образом не свободна от обязанности доказывания чего бы то ни было, в том числе и непостижимость смерти.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, диссертация Алексея Александровича Слепокурова на тему «Непостижимость смерти как этико-философская проблема» соответствует всем основным требованиям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 действующего «Положения о присуждении учёных степеней» ВАК Министерства образования и науки России, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 09.00.05 — этика (философские науки), а её автор заслуживает искомой учёной степени кандидата философских наук по заявленной специальности. Публикации автора вполне отражают его вклад в философию.

Отзыв подготовлен кандидатом философских наук, доцентом Дмитрием Петровичем Кузнецовым и доктором философских наук, доктором исторических наук, профессором Сергеем Павловичем Щавелёвым. Этот отзыв обсуждён и единогласно утверждён на заседании кафедры философии

Курского государственного медицинского университета (протокол № 5 от 30 ноября 2016 года).

Доктор философских наук, доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой философии
Курского государственного медицинского университета
С.П. Щавелев.

05. 12. 2016 г.

«Подпись профессора С.П. Щавелёва заверяю»
начальник Управления кадров КГМУ Н.Н. Сорокина

_____ . 2016 г.

Адрес: 305041, Россия, г. Курск, ул. К. Маркса, д. 4.
КГМУ.

E-mail: kurskmed@mail.ru

Телефон: (4712)58-81-32

Факс: (4712) 56-73-99, 58-81-37